

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Многие люди воспринимают историю как результат деятельности вождей и полководцев, которые управляют странами по своей прихоти. Для таких людей во всех бедах СССР виноват либо Ленин и Сталин, либо Хрущев и Горбачев.

Есть множество людей, которые считают, что историей управляют тайные общества, например масоны. И тогда в бедах страны они видят результат заговора неких группировок.

Марксисты считают, что история движется по логической схеме к коммунизму, движимая непримиримой борьбой противоположностей — рабочих и эксплуататоров, а завершится построением коммунизма, в котором одна из противоположностей будет ликвидирована и эксплуатация навсегда прекратится.

Сторонники теории цивилизаций считают, что история движется неким генетическим законом развития цивилизаций, которые, как люди, рождаются, растут, взрослеют, созревают, стареют и умирают.

Многие верующие считают, что вся история — дело рук Божьих, а Он реализует свой промысел через людей, но в конечном итоге человечество идет к гибели, к Страшному суду, например, поэтому любые построения общества на земле — суета сует и ловля ветра, нужно отстраниться от мира и спасти душу.

Если все эти подходы обобщить системно, то суть их различий сводится к следующему — есть несколько уровней масштабности понимания истории. На самом нижнем уровне историей управляет человек (без закона и Бога), а на самом высоком историей управляет Бог (без человека). Причем где-то ниже самого высокого уровня можно найти и вариант управления историей дьяволом, ибо для многих верующих все дела земные — его вотчина. И тогда все варианты теоретической истории можно классифицировать по масштабному фактору. А как показал автор ранее¹, по масштабному фактору можно классифицировать любые сложные и многоуровневые явления, даже развитие религиозных представлений. Кстати, именно религиозные представления о способах управления обществом высшими силами предвещают на несколько столетий (а то и тысячелетий) социальные представления. Образно говоря, развитие религиозного мировоззрения предшествует (в системном плане) развитию теоретической истории.

Поэтому предложим здесь масштабную классификацию и для различных уровней теоретического обобщения истории, проводя некоторые предварительные параллели с развитием религиозных представлений.

Первый уровень — персонифицированная теория истории. Обществом, согласно такой теории, управляет лидер, который действует в основном исходя из своих целей, капризов, интересов. Этот уровень можно называть нулевым, мифологическим. Он соответствует древним языческим представлениям, в которых мир появился из какого-то одного мифологического существа. И как в греческой истории все события на Земле были результатом капризов, ссор или прихотей богов, так и в этой версии все беды страны определялись характером и прихотью одного человека. И тогда образ такого вождя в сознании сторонников этого уровня понимания истории превращается в некое мифологическое божество, у которого, если он вставал не с той ноги или чесалось в боку, гибли целые народы или начинались войны с соседями. В сегодняшней России в СМИ доминирует именно такой подход к истории, в первую очередь к истории СССР. Во всех бедах страны

обвиняются либо Ленин, либо Сталин, либо Горбачев, либо Ельцин. Можно назвать таких «теоретиков» сказочниками, которые считают, что народу проще всего понять свою историю, если рассказывать ему сказки про злых и добрых «царей». Такой подход к истории идет либо от неразвитости исторического сознания самих авторов публикаций, либо из-за представления их о том, что народ настолько глуп и обладает настолько детским сознанием, что ему ничего другого и не объяснишь. Впрочем, третьей причиной такого тотального мифологизирования истории можно считать желание его апологетов умышленно скрыть системные законы, которые они прикрывают различными историческими байками о плохих лидерах и бедной, пострадавшей в борьбе с ними оппозицией. Такой подход — подход сказочный, подход, в котором есть благородные ковбои и ужасные злодеи, которые, впрочем, как в старых сказках, могут меняться своими ролями, и в другой версии злодеи становятся героями-мучениками, а благородные ковбои — людоедами-алкоголиками. Он нужен для того, чтобы упростить историю до самых обыденных версий, до буквально семейно-общинного уровня понимания мира. Видимо, для многих людей в эпоху сложнейших исторических трансформаций, которые не могут быть объяснены простыми схемами, такого рода сказки позволяют как-то заменить истинное представление о ходе событий и дать хоть какую-то понятную картину происходящего.

Второй уровень — идеологизированная история. При таком подходе ход истории объясняется тем, что ею управляют некие группировки, объединенными общей идеологией. Поскольку любая идеология есть средство борьбы за групповые интересы с другими группами или всем остальным народом, то внутри таких группировок царит строгая дисциплина.

Понимание истории через борьбу различных идеологий восходит еще к библейским временам, когда евреи пытались бороться за свою культурную самобытность, защищая ее жестким идеологическим религиозным панцирем. Со временем идеологизированное понимание истории перешло и к другим народам, трансформировавшись в религиозные войны (Крестовые походы, борьба с неверными и т.п.). Апофеозом идеологизированного понимания истории стало, пожалуй, самое грандиозное за всю историю человечества идеологическое противостояние в XX веке двух лагерей — коммунистического и капиталистического. Здесь идеология поднялась над всеми религиозными и культурными особенностями народов, разделив их на два лагеря — элиту и трудящихся (богатых и бедных).

Одновременно с главной идеологической версией истории в XX веке родилось и несколько второстепенных, которые можно условно обобщенно назвать «теорией заговора». Они все отличались от главной тем, что в них одна из идеологических сил представлялась в весьма компактном (но в очень могущественном) виде. Появление таких вариантов борьбы двух идеологий являлось всего лишь модификацией главной идеологической версии — борьбы элиты и народа, в которой элита малочисленна, но могущественна, а народ многочислен, но темен и беспомощен.

Наиболее распространенный вариант такой версии — масонский заговор, за спиной которого стоит еврейская элита, которая преследует свои узконациональные интересы. Но есть и другие варианты, например учителя из Шамбалы, нацисты в Антарктиде, инопланетяне в человеческом облике и т.п. Поскольку тайные группировки малочисленны, то они не афишируют свое управление и действуют предельно скрытно. Такой подход позволяет приписывать их воздействию любые события в мире, все зависит от интерпретаторов. В этой версии вся история — объект манипуляции различных элитных группировок, которые не объясняют ос-

тальным людям ни своих целей, ни своих действий, ни своих методов. Утечки информации об их действиях редки, но весьма эффективны, ибо создают налет мистической неограниченной власти каждой из этих группировок над всем ходом истории.

«Теория» заговора наиболее ярко проявила себя в версии синтеза главной идеологической версии (борьбы бедных с богатыми) с версией масонского заговора, где всеми богатыми управляют масоны, за спиной которых стоят богатые евреи.

Так открытое противостояние идеологии коммунизма и капитализма вызвало к жизни множество других теорий, фантастических аналогов, в которых масштаб одной из сил уменьшается до небольшой корпорации, пытающейся тайно управлять всем остальным человечеством. Как правило, во всех вариантах этого подхода к истории предлагается четкая поляризация светлого и темного начал. Так, например, идеология христианства в глазах сторонников версии еврейского заговора приобретает светлый оттенок, а идеология масонства — темный. Наоборот, учителя из Шамбалы — светлое начало, а все остальное человечество, застрявшее в своем развитии в дикости, — темное начало, которое учителя стараются осветить. Не все ясно с инопланетянами. Либо они действуют в интересах развития человечества, тогда они являют собой светлое начало, либо в интересах своей планеты (стремясь захватить Землю), тогда они — темное начало.

Постепенно по сути дела религиозная поляризация добра и зла проросла в сознании всех сторонников идеологизированной версии истории. Советские идеологи постоянно называли США «империей зла», Рейган, удачно воспользовавшийся гибелью корейского самолета, вернул этот штамп обратно. А сегодня, когда уже нет социалистического лагеря — символа зла, идеологи от политики ищут другие, так сказать, геометрические образы, придумывая всяческие линейные структуры — например, ось зла.

Важно отметить, что подобная поляризация — не новое изобретение сторонников идеологизированной версии истории. В далеком прошлом аналогичный переход от личностных богов к противоборству двух начал произошел и в религии. Отказ от простых языческих религий, в которых миром управляли различные прихотливые сущности типа Зевса, привел к появлению таких религий, как зороастризм, манихейство, согласно которым миром правит именно борьба двух начал — добра и зла. И именно в противопоставлении этих двух идеологий, идеологии света и тьмы (добра и зла, творения и разрушения), люди в прошлом стали видеть главную причину всех исторических событий. Причем в новой религиозной парадигме зло и добро могут выступать как в обезличенном (как некие абстрактные силы), так и в персонифицированном варианте — ангелы и черти (демоны, шайтаны и т.п.). Поэтому теория заговора темных сил против светлого человечества не есть нечто принципиально новое, эта теория — лишь запоздалый (на пару тысяч лет) идеологический ремикс, который всего лишь повторяет появление в религиозном сознании человечества нового уровня обобщения представлений о высших силах мира. Что свидетельствует, в частности, о том, что теоретическая история развивается с очень большим запаздыванием относительно развития религии и естественных наук. Это, впрочем, не является свидетельством какой-то ее дефектности, причина в большей сложности исторических объектов. Человечество как объект — самое сложное, что может изучать сам человек, ибо это огромная, сложная динамичная система, прошлое которой известно весьма плохо, да и в настоящем разобраться нелегко. Уровень понимания процессов, происходящих в Метагалактике, сегодня выше, чем уровень понимания процессов

в обществе, и именно потому, что общество гораздо более сложная и куда более «виртуальная» система, чем Метагалактика.

Здесь важно отметить, что на этом уровне развития религии нет доминирующего воздействия светлого начала над темным. Борьба между добром и злом идет на равных, поэтому мир не меняется, а лишь движется по одному и тому же пути, что было выражено в знаменитом изречении — «все возвращается на круги своя». В таком историческом подходе нет и намёка на возможность эволюции мира, на возможность выхода из постоянного круга бытия и преобразования на новом уровне.

Третий уровень — систематизированная история, согласно такому подходу, историей правят системные закономерности. Этот уровень был достигнут исторической наукой лишь в XIX веке, когда одновременно появилось диалектическое представление об истории Гегеля (которое попытался превратить в практическое руководство к действию Маркс) и цивилизационный подход Н.Я. Данилевского. В гегелевско-марксистской версии история общества не есть бесконечное кружение по одному и тому же пласту бытия, а восхождение по спирали, в котором повторное попадание на одну и ту же формацию (общинно-коммунистическую) происходит уже на новом уровне развития. По сути дела, гегелевский и марксистский подход к истории — это первая попытка дать действительно научное, системное **описание эволюции общества** как процесса, имеющего какие-то системные закономерности. Марксисты при этом позаимствовали, опять же из религии (с опозданием на 2000 лет), идею Царства Небесного и придали ему почти научный вид, трансформировав его в идею рая на земле — коммунистического общества полной социальной справедливости, гармонии и мира. Причем, переписав религиозную «пьесу» на свой исторический лад, они заодно прихватили в нее зороастрийскую идею вечной борьбы добра со злом, причем роль вечного злодея принудительно «всучили» верхушке общества, а роль вечного добра — его нижнему слою, рабочему классу. Марксисты были грубыми материалистами, поэтому только работу «за станком» признавали трудом. А любой труд управления экономикой объявили по сути дела паразитизмом, что на практике и привело в конечном итоге в СССР к созданию довольно стройной системы управления технической стороной жизни страны и полным застоём, деградацией и маразмом в области управления социальной жизнью общества. Отсюда и целые поля прекрасных (но уже никому не нужных) танков и горы ракет и прочей едва ли не лучшей в мире военной техники, которая не дала стране ни благополучного быта, ни идеологического покая, ни социального мира.

Марксистский подход к истории, хотя и основан на системном анализе и даже содержит некоторые признаки четвертого уровня развития исторической науки — теоретическое предсказание (восхождение по спирали к коммунистическому обществу), до конца не преодолел свойства предыдущего, идеологизированного уровня. Ибо марксизм объявил, что движущей силой истории является борьба классов, вооруженных каждый своей идеологией. А поскольку материальный мир изменяли работяги, то они были ближе всего к провозглашенному идеалу — человеку физического труда. Вся надстройка общества, которая управляла этим же процессом, но экономическими рычагами (предприниматели, банкиры и пр.), была объявлена эксплуататорами, т.е. паразитами. Аналогом такой «мудрости» является представление о том, что руки и ноги человека трудятся, а голова (которая потребляет львиную долю энергии) бездельничает и паразитирует. В результате идеология рабочего класса в такой теории становится самой передовой, задача которой — победить все остальные реакционные идеологии.

Надо сказать, что по сравнению с чисто идеологизированной версией истории, в которой главным периодом был, пожалуй, период религиозных войн, в марксистской теории уже присутствуют элементы теоретической истории, ведь она по сути своей эволюционна и системна. В чем-то этот подход оказался уже гораздо ближе Новому Завету, чем Ветхому. В Новом Завете было преодолена ограниченность представления об истории человечества как о бесконечном кружении, в котором все возвращается на круги своя. Здесь уже четко ставится цель преобразования через Страшный Суд и переход всего человечества в Царствие Небесное, а не возврат к прежнему райскому потребительскому бытию Ветхого Завета. В марксистской идеологизированной версии истории также есть преобразование всего человечества через очистительную революцию и переход победителей в этой революции к коммунистическому царству справедливости. А кроме того, в марксистской версии истории есть попытки найти чисто системные механизмы ее развития, часть из которых являются, безусловно, весьма удачными.

Одновременно с диалектическим марксизмом в XIX веке родился и «естественный цивилизм». Первым, кто обнаружил, что историю всей Цивилизации можно рассматривать как совокупность относительно независимых историй различных локальных цивилизаций, был наш соотечественник — Н.Я. Данилевский. Вслед за ним этот же подход стали развивать О. Шпенглер, Дж. Тойнби, Л. Гумилев, С. Хантингтон. В отличие от марксизма цивилизм не предполагает, что историей движет вечная борьба двух противоположностей, добра со злом и т.п. Согласно ему всеобщая история Цивилизации складывается из историй нескольких локальных цивилизаций, каждая из которых возникала в конкретном географическом регионе, но оказывала эволюционное воздействие на все человечество. Пожалуй, цивилизм — это первая действительно научная версия истории, которая никак уже не связана с идеологизированным представлением о ней. И хотя попыток теоретически объяснить историю в цивилизме гораздо меньше, чем в марксизме, в нем почти совсем преодолен идеологизированный взгляд на историю. Можно сказать, что цивилизм — это первый шаг к естественной теории истории, шаг в котором пока есть всего лишь основа научного подхода — стремление беспристрастно описать естественные процессы, которые имеют некую общую системную закономерность, закономерность развития некоего единого организма цивилизации. В цивилизме гораздо меньше философии, почти нет идеологии, хотя и нет пока еще абстрактных схем. В рамках цивилизационного подхода уже невозможно рассматривать историю как борьбу добра со злом, как реализацию прихотей отдельных людей, как теорию заговора и т.п. Цивилизации просто рождаются, проживают по одному и тому же закону развития свою жизнь и умирают, уступая место новым цивилизациям. А если между различными цивилизациями и возникает борьба, то это не мистическая борьба добра со злом, а борьба нового со старым, подобная конфликту поколений. Внутри же цивилизаций могут происходить какие угодно события, появляться различные политические лидеры, считающие себя гениальными вождями народов, могут возникать заговоры каких угодно идеологических группировок, все это не изменяет судьбу цивилизации, которая в конечном счете приходит к гибели и уступает место другой цивилизации.

В настоящее время цивилизационный подход еще не оформился как некое общее историческое учение. Каждый теоретик создавал свою палитру из цивилизаций, у каждого был свой взгляд и на длительность, и на региональную локализацию этих цивилизаций. Пожалуй, первой попыткой обобщить все эти подходы

можно считать вышедший в 2006 году двухтомник Кузика и Яковца², но очевидно, что для того, чтобы цивилизационный подход действительно стал теорией истории и был принят обществом на вооружение для управления историческими процессами, нужно, чтобы прошло еще немало времени. Необходима огромная работа по теоретическому осмыслению самого понимания цивилизаций, выявления их различных разновидностей, обнаружений в их развитии различных алгоритмов, проверка этих алгоритмов, пробные прогнозы, основанные на этих алгоритмах, и т.д. Ясно лишь, что цивилизационный подход к истории существенно оторван от религии и идеологии и у него есть шанс постепенно превратить историю в науку в полном смысле этого слова. Ибо становление науки в любой области начинается с классификации и систематизации, а заканчивается созданием стройной теории, которую можно сформулировать уже математически. И только тогда, когда научное понимание истории достигнет отточенности формул, общество может вооружиться этими формулами для построения прогнозов и зрячего движения вперед.

Естественно, что первой фазой развития цивилизационного подхода была фаза создания описательных трудов на эту тему. Именно к этой фазе можно отнести первых классиков цивилизационного подхода: Данилевского, Шпенглера, Тойнби, Гумилева. Работы С. Хантингтона — это уже попытка политического и идеологического применения цивилизационного подхода на первом этапе его развития.

Надо отметить, что даже самый первый выход цивилизационной теории на политическую арену, совершенный С. Хантингтоном, вызвал шок у общества. Традиционное представление об истории как истории борьбы различных наций (или идеологий) вдруг оказалось расширенным на порядок, и человечество впервые увидело себя состоящим всего лишь из шести–восьми единых объединений — цивилизаций. Любые геополитические конструкции до этого строились из гораздо большего количества элементов, так как в настоящее время в мире насчитывается более 200 стран. Естественно, что понять логику взаимодействия шести–восьми субъектов истории гораздо проще, чем разобраться в хитросплетениях политики 200 различных государств.

Хотя предложенная С. Хантингтоном концепция столкновения цивилизаций — весьма неглубокий и односторонний срез исторических процессов, ее появление свидетельствует о том, что цивилизационный подход завершил свой первый круг развития — от первой теоретической попытки до первого практического его применения. В настоящее время цивилизационный подход начинает свой второй виток развития, в котором заново переосмыслиется, но уже на более широкой исторической основе, история цивилизаций.

Четвертый уровень — теоретическая история. Любая наука становится полезной обществу, если она позволяет за хаосом частных случаев увидеть общую закономерность, сформулировать ее теоретически и построить на этом основании прогноз. К подобному результату историческая наука уже подошла на предыдущем третьем уровне. Но результаты теоретических представлений на этом уровне были весьма неполными, во многом спорными, однобокими и излишне пропитанными идеологией и политикой. Поэтому на следующем уровне развития научной истории предстоит преодоление этих слабых мест, что сделает теоретическую историю гораздо более объективной и самое главное — обладающей большей прогностической силой. Это новое направление, которое можно назвать «теоретической историей», зародилось в начале XX в., когда стали появляться работы по циклам в истории. Один из ярких примеров этому — открытие А.Л. Чижевским

11-летних циклов в истории общества, которые он напрямую связал с 11-летней цикличностью в солнечной активности.

О начале второго витка говорит и появление работ Кузюка, Яковца, Агеева, в которых существенно расширена база для анализа за счет привлечения экономических параметров. Об этом же свидетельствуют и работы автора данной статьи, в которых впервые была выбрана иная историческая основа для построения теории цивилизации — база научных событий, что позволило автору выдвинуть собственную модель «научных цивилизаций»³.

Таким образом, новый виток развития исторической науки связан с тем, что, с одной стороны, расширяется эмпирическая база для построения теории: к экономике добавляются различные «локальные» истории, например науки, эпидемий и т.п., а с другой стороны, теория становится все более абстрактной, формализованной, все более количественно определенной. При этом намечается естественное сближение двух течений прошлых двух столетий. Из экономической науки происходит проникновение в теорию цивилизаций, а из теории цивилизаций возникает возможность перехода через научные достижения к экономическим закономерностям.

Цивилизационному подходу предстоит пройти еще очень большой путь до момента, когда он будет способен стать настоящей теорией, способной активно помогать развиваться человечеству. А на пути от первичного описания до создания Общей Теории Общества этому подходу неизбежно предстоит сначала создать точную классификацию самих цивилизаций. Ибо **развитие любой теории начинается с описания, продолжается созданием классификации, затем находятся некие общие системные принципы**, обобщение которых и точная формулировка и приводят к пониманию логических законов. И вершиной развития цивилизационного подхода, безусловно, станет понимание Логоса общества, говоря религиозным языком, понимания слова Бога, который через историю говорит с людьми. А это и должно привести к пониманию Высшей Цели человечества.

Москва, Декабрь 2006 г.

¹ Сухонос С.И. Вселенская сила нравственности. М.: Новый центр, 2005.

² Кузюк Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. В 2-х тт. М.: Институт экономических стратегий, 2006.

³ Сухонос С.И. Россия в XXI веке. М.: Агар, 1997; *он же*. Российский ренессанс в XXI веке. М.: Планета, 2001.